

Анна Ахматова на иврите

© 2021 Аминадав Дикман

УДК 82.091

https://doi.org/10.54791/27823792_2021_1_244_253

Anna Akhmatova in Hebrew

© 2021 Aminadav Dykman

Информация об авторе:

Аминадав Дикман, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, член Академии языка иврит, Израиль. E-mail: aminadav.dykman@mail.huji.ac.il.

Ключевые слова: Анна Ахматова, поэтический перевод, литература на иврите, Л. Яффе, Рахель, Элишева, А. Шлионский, Л. Гольдберг, Э. Зусман.

Аннотация: Представлен очерк вековой истории переводов стихотворных произведений Анны Ахматовой на иврит, начиная с 1920-х годов, когда ее стихотворения переводили Арье-Лейб Яффе, Рахель, Элишева. Вехами в этой истории стали антологии «Русская поэзия» (1942), отдельное издание стихов в переводе Эзры Зусмана (1970). В конце XX века и в 2000-е годы появился ряд отдельных изданий и подборок переводов в антологиях, новое поколение ивритских поэтов продолжает обращаться к Ахматовой, помещая переводы в печати и на интернет-сайтах.

Information about the author:

Aminadav Dykman, Professor at the Hebrew University of Jerusalem, fellow of the Academy of Hebrew Language, Israel. E-mail: aminadav.dykman@mail.huji.ac.il.

Keywords: Anna Akhmatova, poetic translation, literature in Hebrew, L. Jaffe, Rachel, Elisheva, A. Shlionsky, L. Goldberg, E. Sussman,

Abstract: The essay presents a hundred year history of Anna Akhmatova's poetic work into Hebrew beginning with the 1920s, when her poems were translated by Arie-Leib Jaffe, Rachel, Elisheva. Milestones on the way were anthologies *Russian Poetry* (1942) and a book edition of poems translated by Ezra Sussman (1970). In the end of the XXth century and in the 2000s there appeared several editions and collections of translations in anthologies. A new generation of Hebrew poets continue to make Akhmatova's translations and publish them in press and online.

Не будет преувеличением сказать, что еще одно-два поколения назад и на протяжении предшествующего столетия вся художественная литература на иврите следовала образцам русской литературы. Достаточно вспомнить, что в начале своего литературного пути ивритский национальный поэт Хаим Нахман Бялик размышлял о Пушкине и Лермонтове, что Йосеф Хаим Бреннер, центральная фигура в прозе на иврите, создавая свои повести и романы, думал о Достоевском, а сочиняя критические статьи – о Белинском. Подавляющее большинство ивритских поэтов, начиная с середины XIX века и кончая первой третью века XX, были уроженцами Российской империи и так или иначе были непосредственно знакомы с русской словесностью. Также существенная часть читавшей их публики знала русский язык и литературу на нем. Начиная со второго десятилетия и по конец 60-х годов XX века газеты и литературные журналы на иврите буквально ломались от обилия русского материала: переводы, статьи, хроникальные сообщения о литературной жизни в России и потом в СССР.

Не задаваясь целью обрисовать полную картину присутствия ахматовской поэзии в ивритской литературе, перечислю лишь вехи этой богатой и разнообразной истории.

Началом перевода стихов Ахматовой на иврит стал 1921 год, и этот первый период длился лет тридцать-сорок. В номере от 11 февраля 1921 г. в газете «Га-Арец», на третьем году ее издания, под рубрикой «Из стихов Анны Ахматовой» был напечатан перевод стихотворения «Сжала руки под темной вуалью»¹. Переводчиком, не указавшим своего имени, был сионистский деятель, редактор и переводчик Арье-Лейб Яффе (1876–1948), который в то время был редактором этой газеты. Русскому читателю Яффе был известен как инициатор и редактор (совместно с Владиславом Ходасевичем) «Еврейской антологии» (Москва, 1917)². Ивритскому читателю наших дней перевод Яффе покажется устаревшим, но – что удивительно! – устаревшим лишь слегка. Синтаксис кое-где отличается от современного, вышла из употребления форма некоторых слов, однако в целом стихотворение читается легко. Сравнение с подлинником тотчас обнажает свойственные Яффе принципы перевода, которыми руководствовались люди его поколения: прежде всего, сохранить размер и характер рифмовки, тогда как точность в передаче содержания важна гораздо менее. Намерение во что бы то ни стало соблюсти размер стиховой строки вынудило переводчика опустить ряд деталей оригинала и добавить кое-что от себя. Более всего пострадала от

¹ См.: *Тименчик Р.* Ахматова и Ветхий Завет. (Десятые годы) // *Jews and Slavs. Vol. 4.* Jerusalem, 1995. P. 239, 250.

² *Лавров А.В.* Лейб Яффе и «Еврейская антология»: К истории издания // *Лавров А.В.* Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 516–535.

этого вторая строфа: конкретную констатацию Ахматовой «Я сбежала, перил не касаясь, / Я бежала за ним до ворот» Яффе заменил туманной парафразой:

"בְּרוֹצֵי־אֶחָרָיו לֹא יֵדְעֵנִי נַפְשִׁי / בְּרַחוּב הַשְּׂדֵיחוֹתֶיךָ"

(«Сбегая за ним, я не знала себя, / На улице нагнала его, дрожая».) С другой стороны, необходимость добавлять в перевод слова с целью набрать требуемое размером число слогов, привела к ненужному удвоению. Так, вместо эпитета «бледна» в переводе читаем "אֶלְמָה־חַוְרָה", т.е. «нема и бледна», вместо слова «шутка» в третьей строфе в переводе снова находим два слова: "שְׂחֹק וּמְשָׁגָה", т.е. «смех и ошибка». И так же в последней строке: вместо «не стой на ветру» – "קוֹרֵר לְכִי לְהַרְרֵךְ", т.е. «холод и ветер – иди к себе в комнату». Однако при всех этих недостатках, которые обнаруживаются лишь при тщательном сопоставлении перевода и подлинника, перевод Яффе сохранил от стихотворения больше, чем потерял.

Две самые важные в истории новой ивритской поэзии поэтессы – Рахель и Элишева – связаны с рецепцией Ахматовой в первой четверти XX столетия. Поэтесса Рахель (Рахель Блювштейн; 1890–1931) была, без сомнения, самой известной женской фигурой в новой поэзии на иврите³. Ее популярности способствовала также трагичность судьбы: приехав в 1907 году в Палестину и решив там остаться, она поселилась в земледельческой колонии на берегу озера Кинерет и в 1913-м уехала в Тулузу получать агрономическое образование. Она провела там около года, познакомилась с поэтессой Марией Шкапской, которая училась в том же городе, а летом поехала ненадолго в Россию, но ее визит затянулся на все годы Первой мировой войны. Во время войны Рахель безвозмездно обучала детей еврейских беженцев, осевших в Брянске и Саратове, и, как видно, тогда заразилась от них туберкулезом легких. В 1919 году вернулась в Палестину с группой центральных фигур той волны иммиграции, которую принято называть *третьей алией*, и в ту же земледельческую коммуны Дгания на берегу Кинерета. Но болезнь развивалась быстро, и товарищи изгнали ее из коллектива. Несколько лет она кочевала с места на место, пытаясь излечиться в Палестине, и, наконец, умерла в нищете и почти в полном одиночестве в Тель-Авиве. За небольшой срок пребывания в Палестине она выпустила три поэтических сборника и опубликовала несколько рецензий в газете социалистического толка «Давар». Ее стихи очень полюбилися читателям, и со временем Рахель прочно заняла центральное место в литературном каноне на иврите. Читатели нескольких поколений читали и заучивали ее стихи и слушали их как песни, созданные разными композиторами.

³ Копельман З. Еврейские скрижали и русские вериги. (Русский голос в творчестве ивритской поэтессы Рахели) // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 117–138.

Рахель переводила немного, однако ее переводы были известны не менее, чем ее стихи. С русского языка она перевела отдельные тексты Пушкина, Анненского, Ходасевича, Есенина, два стихотворения Шкапской и четыре – Ахматовой: «Песню последней встречи», «Где, высокая, твой цыганенок», «Помолись о нищей, о потерянной» и «Тяжела ты, любовная память». Замечу, что Ахматова знала об этих переводах, хотя известие об этом пришло к ней через много лет после смерти переводчицы⁴.

Эти переводы также выполнены в соответствии с принятыми в то время принципами, и снова форма не раз сохраняется за счет содержания. Сравнение этих переводов с оригиналами показывает, что Рахель позволяла себе пропуски и изменения текста, что вполне укладывалось в норму поэтического перевода той эпохи, однако она также допускала изменения в размере и рифмовке, что нарушало эту норму. Так, при переводе стихотворения «Где, высокая, твой цыганенок» она не перевела слова «цыганенок», поскольку на иврите уменьшительно-ласкательная форма практически невозможна, и оставила лишь «черный ребенок», "לד שחור", а во второй строфе того же стихотворения заменила Магдалину *ангелами в Райском саду*.

С другой стороны, в довольно точном в плане содержания переводе стихотворения «Помолись о нищей, о потерянной» она изменила размер и не зарифмовала четные строки:

"התפלל עלי, על נפשי החולה / עול נפשי, האובדה נויבאה"

т.е. «обо мне помолись, о душе больной, / о пропащей, нищей душе». Несмотря на все эти частности, которые при педантичном подходе к теории перевода можно счесть недостатками, переводы Рахели оказались более чем удачными, поскольку передавали то ускользающее, трудноуловимое, что принято называть «тональностью». Их тональность и впрямь совершенно ахматовская. По крайней мере, ивритской публике они очень нравились.

Во многих отношениях, во всяком случае, в восприятии читателей, близка к Рахели поэтесса Элишева, или, как она звалась изначально, Елизавета

⁴ *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой// Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 169; ср.: «Число переводов из Ахматовой не превышает числа ее [Рахели] переводов из Франсиса Жамма или Шарля Ван Лерберга, тем не менее строки из стихов русской поэтессы чаще появляются в черновиках и в письмах Рахели, например, на листке с пометой "1929" она записала: "Одной надеждой меньше станет, Одною песней больше будет", не совсем точно цитируя строки стихотворения "Я улыбаться перестала..." из раскритикованной ею "Белой стай". <...> " ...Кстати, — спрашивает она в письме Сару Мильштейн, — рассказывала ли я тебе, что купила у книжника, поторговавшись, за 4 гроша, стихи... Ахматова – Белая стая, – о которых мечтала несколько лет. Однако выяснилось после этого, что большинство моих самых любимых стихов входят как раз в *Четки*, ее первую книгу. Странно: вместо того, чтобы подниматься – спуск"» (*Копельман З.* Еврейские скрижали и русские вериги. С. 137).

Ивановна Жиркова (1888–1949)⁵. Элишева, как и Рахель, относится к первому поколению поэтов в новояврейской поэзии. Ее необычная судьба привлекала к ней всеобщее внимание: русская и христианка, она выучила идиш и иврит, и ее неоднократно называли «Руфью с берегов Волги», хотя она никогда не имела намерения перейти в иудаизм. На долю Элишевы выпало несколько лет крупного литературного успеха: она вышла замуж за ивритского литератора Шимона Быховского, который ради издания ее книг основал в Палестине свое издательство. Элишева перевела на русский язык несколько рассказов важных для ивритского литературного процесса авторов, а ее собственные стихи и проза на иврите были хорошо приняты и сделали ее знаменитой. Все благоденствие вмиг закончилось со смертью ее мужа в 1932 году. Элишеву стали забывать, источники литературного заработка иссякали, и в конце концов она умерла, одинокая и больная, в жалком бараке в Тель-Авиве.

В 1927 году, через два года после переезда в Палестину, Элишева опубликовала в еженедельнике «Ктувим», органе молодой ивритской писательской организации, небольшую статью «Анна Ахматова – ее поэзия и поэтика», которая, несомненно, заслуживает похвалы за взвешенное и точное изложение, за множество тонких наблюдений, которые позднее не раз были отмечены также российской критикой. Элишева представила Ахматову как первую женщину-поэта в современной русской поэзии, оговорив, что ни Зинаида Гиппиус, ни Мирра Лохвицкая не могут претендовать на эту честь, что ее достойна только Ахматова, поскольку ее поэзия и ее женственность неразделимы.

В качестве примеров Элишева привела в своем переводе три стихотворения полностью и одно – частично. Эти переводы лишены метра и рифмы, а деление текста на строки соответствует подлиннику. Подобная техника перевода принципиальным образом отличалась от принятой в то время при поэтических переводах на иврит. Как правило, даже поэтические фрагменты, приводимые в статьях или книгах, предлагались читателю с соблюдением метра и рифмовки. Аналогичным образом поступила Элишева и при цитировании стихов Блока в написанной ею большой статье «Человек и поэт: Александр Блок», изданной также отдельной книжечкой в 1929 году. Попутно замечу, что когда тем же методом попробовал воспользоваться другой переводчик и перевел прозой стихи Гейне, старший и более авторитетный поэт Шаул Черниховский подверг его критике, требуя, чтобы переводы стихов передавали метр оригинала.

Следующей вехой в истории переводов Ахматовой на иврит стало знаковое событие в ивритской литературе. В 1942 году в Тель-Авиве вышла поэтическая антология под названием «Русская поэзия». Инициаторами

⁵ См.: Копельман З. Элишева: секрет успеха // Вестник Еврейского университета. 1999. № 1 (19). С. 159–177.

издания были Авраам Шлионский и Леа Гольдберг, два главных поэта ивритского модернизма, утвердившегося в поэзии примерно двумя десятилетиями позже русского. «Русская поэзия» была заявлена как первый том в серии антологий, представляющих на иврите поэзию разных стран и народов, однако так и осталась единственной. Подавляющее большинство переводов в ней было выполнено поэтами-модернистами, и лишь отдельные стихи были переведены поэтами предшествующего литературного поколения.

Антология содержала стихи тридцати четырех поэтов, начиная с Владимира Соловьева и включая мало заметного Н.И. Незлобина (1891–1951). Главное место в ней отводилось Блоку, Маяковскому и Есенину. Ахматова была представлена переводами восьми стихотворений, два из которых принадлежали Рахели. Шесть остальных перевели Шлионский (три перевода), Леа Гольдберг (два перевода) и начинающая переводчица поэзии Тамар Должанская. Самым опытным из них был, разумеется, Шлионский, на счету которого к тому времени был полный перевод «Евгения Онегина», до сих пор считающийся ивритской классикой.

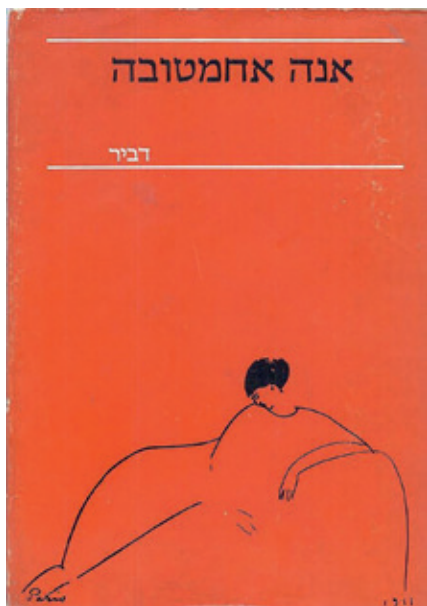
Шлионский виртуозно владел искусством поэтической формы, хотя стихи Ахматовой не позволяли ему в должной мере им блеснуть, как, скажем, перевод «Двенадцати» Блока или стихов Маяковского. Однако и его переводы из Ахматовой не лишены этого блеска. Например, перевод первых двестишты в стихотворении «Сероглазый король» звучит так:

אפור המלך הוא מת / מפלט אין דאבון, לך בשח המבט//
 ערב של סתו מְחַנֵּק, חכלילי. / שב ואמר בשלֵוה בעלי"

Значение этих переводов, на мой взгляд, – в том отклике, который они вызвали. Целое поколение, а то и два, выросло на стихах «Русской поэзии», многочисленные свидетельства чему мы находим в воспоминаниях о той поре. Важно отметить, что эта антология впервые представила Ахматову в более широком контексте русской поэзии «серебряного века».

Следующей вехой в истории переводов Ахматовой на иврит следует назвать вышедший в 1970 году отдельный сборник с переводами ее стихов. Все переводы были выполнены поэтом Эзрой Зусманом (1900–1970)⁶. Замечу, что, строго говоря, Зусман, начинавший свой путь в литературе еще в Одессе (под псевдонимом Александров), был и остался писавшим на иврите русским поэтом. Он начал публиковаться на иврите в 1928 году, через шесть лет по приезде в Палестину, однако свой первый поэтический сборник выпустил много позже, лишь в 1968 году.

⁶ См. о нем: *Тименчик Р.* Деталь двойного назначения // Лехаим. 2006. Май. № 5 (169).

Книга стихов Ахматовой на иврите, обложку которой украшал известный рисунок Модильяни 1911 года, содержала 80 переводов, в том числе полностью «Реквием», который незадолго до того вышел на иврите отдельной книжкой. Переводы Зусмана необходимо рассматривать как часть всей его культурной деятельности. Он выступал как литературный и театральный критик, как переводчик и как один из лучших израильских культуртрегеров. Благодаря Зусману израильтяне узнали поэзию Манделштама и Бродского, каждому из которых Зусман посвятил в 70-е годы отдельный сборник переводов. Правда, судьба переводов Зусмана была незавидной: читатели хранили верность классическим переводам Рахели, Гольдберг и Шлионского. И хотя то были лишь считанные стихи Ахматовой, переводы Зусмана читались без восторга. Это можно объяснить тем, что Зусман силился сохранить на иврите как можно больше из того, что было заключено в русском подлиннике. Результатом этого почти героического усилия стали строки и фразы, которые нарушали нормативное строение и струение иврита и выглядели по меньшей мере странно. Но переводы Зусмана оказались полезны тем, *кто понимает*. Покойная Нили Мирски, выдающаяся переводчица с русского языка, переводившая Толстого, Чехова, Платонова и других, поведала мне, что по-настоящему познакомилась с поэтессой Ахматовой именно благодаря переводам Зусмана.

Через двадцать лет после сборника Зусмана стихи Ахматовой увидели свет в антологии «Современная поэзия», составленной и переведенной Биньямином Грушовским-Харшавом (1928–2015). Харшав был академическим исследователем⁷ в области ивритской литературы, теории стихосложения и компаративистики, а также поэтом на идише и на иврите. Он много занимался поэтическим переводом и даже разработал тут свою теорию. Будучи одним из вдохновителей эстетического переворота, произошедшего в ивритской поэзии в середине 50-х годов, Харшав, естественно, призывал отказаться от того отношения к ивриту, которое отличало литераторов предшествующего поколения. На практике это было стремление сделать литературный иврит как можно ближе к разговорному, искоренить приподнятый стиль и употребление лексики и морфологии с отчетливо архаичной, как правило, библейской, окраской. Критический взгляд на антологию «Русская поэзия» помог понять, как важно было вписать стихи Ахматовой в широкий контекст мирового модернизма.

Антология Харшава содержит 18 стихотворений Ахматовой, среди них пять, которые были переведены заново, как бы в пику прежним и ставшим классическими переводам (таким, как «Сероглазый король» и «Настоящую нежность не спутаешь» в переводе Шлионского). К сожалению, я вынужден признать, что эти переводы Харшава представляют исключительно академический интерес. Переводчик сумел выполнить поставленную задачу и добился того, чтобы языковой регистр перевода соответствовал регистру оригинала, однако он даже близко не смог передать свободно льющуюся поэтическую речь Ахматовой. Слишком часто его явные лингвистические усилия привели к тому, что стихотворение в стилистическом отношении напоминает лоскутное одеяло и читается с трудом. Антология Харшава получила не много критических откликов, и все оценили ее как слабую, отметив те же недостатки.

В 2000 году в Тель-Авиве вышла книга переводов поэзии Ахматовой, сделанных известным переводчиком Шломо Эвен-Шошаном. Уроженец Минска, Шломо Эвен-Шошан (1910–2005) был братом лексикографа, составителя толкового словаря иврита. Эвен-Шошан опубликовал в разное время поэтические переводы из Евтушенко, Цветаевой, Мандельштама и Переца Маркиша. Его новая книга содержала 79 стихотворений Ахматовой, но критика обошла ее молчанием. К сожалению, я вынужден признать, что переводы Эвен-Шошана оказались несостоятельными при обоих подходах: они не достигли точности и совершенства языка модернистов, но и никоим образом не смогли приблизиться к поэтическому стилю современной ему израильской поэзии.

⁷ В издательстве «Текст» в Москве в 2008 г. вышла книга Харшава «Язык в революционное время» (перевод с англ. Любви Черниной).

В 2002 году я выпустил антологию поэзии русского «серебряного века» «Век мой, зверь мой», в которую включил 59 переводов из Ахматовой. Я старался не отдаляться от традиции ивритских переводчиков-модернистов. Если верить критике, мой опыт удался не вполне: часть критиков по-прежнему предпочитала переводы из антологии 1942 года «Русская поэзия». Моей книге придают ценность примечания, которые я писал, консультируясь с проф. Романом Тименчиком.

В 2007 году томик стихов Ахматовой выпустила переводчица Мири Литвак. Эти 50 переводов явились частью более общего ее проекта, включающего сборники Блока, Цве-

таевой и Мандельштама. Ограничусь одним общим замечанием: у многих переводчиков, приехавших в Израиль в 1970-е и позже, иврит выглядит неорганично, *не по-ивритски*, хотя переводчики к этому не стремились.

В последние годы не было специальных книг со стихами Ахматовой, однако молодежь, приехавшая в Израиль в 90-е годы, не забыла Ахматову и публикует свои переводы в журналах и в интернете. Так что традиция перевода Ахматовой прожила в иврите почти непрерывно уже ровно сто лет.

Литература

Копельман З. Еврейские скрижали и русские вериги. (Русский голос в творчестве ивритской поэтессы Рахели) // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 117–138.

Копельман З. Элишева: секрет успеха // Вестник Еврейского университета. 1999. № 1 (19). С. 159–177.

Лавров А.В. Лейб Яффе и «Еврейская антология»: К истории издания // Лавров А.В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 516–535.

Тименчик Р. Ахматова и Ветхий Завет. (Десятые годы) // *Jews and Slavs*. Vol. 4. Jerusalem, 1995. P. 226–252.

Тименчик Р. Деталь двойного назначения // Лехаим. 2006. Май. № 5 (169). <https://lechaim.ru/ARHIV/169/timenchik.htm>

Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006. С. 142–180.

References

Kopel'man Z. Evreiskie skrizhali i russkie verigi. (Russkii golos v tvorchestve ivritskoi poetessy Rakheli) [Hebrew Tables and Russian Shackles (Russian voice in the works by Rachel, a Hebrew poet)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005, no 73, pp. 117–138.

Kopel'man Z. Elisheva: sekret uspekha [Elisheva: A Secret of Success]. *Vestnik Evreiskogo universiteta*, 1999, no 1 (19), pp. 159–177.

Lavrov A.V. Leib laffe i *Evreiskaia antologija*: K istorii izdaniia [Leib Jaffe and Hebrew Anthology]. Lavrov A.V. *Simvolisty i drugie: Stat'i. Razyskaniia. Publikatsii* [Symbolists and Others: Articles, Studies, Publications]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2015, pp. 516–535.

Timenchik R. Akhmatova i Vetkhii Zavet. (Desiatye gody) [Akhmatova and The Old Testament (1910s)]. *Jews and Slavs*, vol. 4. Jerusalem, 1995, pp. 226–252.

Timenchik R. Detal' dvojnogo naznacheniiia [A Detail of a Dual Capability]. *Lekhaim*, 2006, May, no 5 (169). <https://lechaim.ru/ARHIV/169/timenchik.htm>.

Timenchik R. Iz Imennogo ukazatel'ia k *Zapisnym knizhkam* Akhmatovoi [From the Name Index to Akhmatova's Notebooks]. *Anna Akhmatova: epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchny sbornik*, vyp. 4 [Anna Akhmatova: Era, Destiny, Works: Crimean Akhmatova Collection, issue 4]. Simferopol, Krymskii Arkhiv Publ., 2006, pp. 142–180. (In Russ.)

Перевод с иврита Зои Копельман

Дата поступления в редакцию: 10.10.2021
Дата публикации: 20.11.2021

Received: 10.10.2021
Published: 20.11.2021